

Юлия Беринг

ИГРУШКА
ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.
ТЫ УДАЛИЛ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
МОЕЙ НЕВИНОВНОСТИ,
ЧТОБЫ Я ОСТАЛАСЬ ТВОЕЙ!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты удалил доказательство
моей невинности,
чтобы я осталась твоей!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты удалил доказательство моей невинности, чтобы я осталась твоей! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я мечтала стать дизайнером, но богатая дочь ректора украла мои эскизы и объявила меня плагиаторшей. А Арсений Волков, жестокий наследник модной империи, облил меня горячим кофе перед всеми!— Хочешь вернуть своё имя, Полина? Тогда будешь работать на меня! Я шила ночами, стирала пальцы в кровь, терпела издевательства. Он резал мои рисунки и присваивал результаты работы. Но однажды я нашла доказательство подставы. Арсений уничтожил его собственноручно! Он хотел, чтобы я навсегда осталась зависимой от него. Теперь впереди главный показ академии. Мои украденные платья выйдут на подиум. Но я знаю каждый шов. И заставлю их признать настоящего автора!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника.

Ты удалил доказательство моей

невиновности, чтобы я осталась твоей!

Глава 1

Запах дыма и дешёвого парфюма бил в нос, пока я пробивалась через толпу зевак к служебному выходу. Угол папки с эскизами натирал мне бок. Я не перекладывала её в другую руку: боялась, что в толпе выдернут. На последнем листе был разрез подкладки — я рисовала его в три ночи, когда никак не сходился угол. Кира могла присвоить красивую картинку. Этот упрямый угол она объяснить не сможет.

Кира Лаврова стояла у кулис, окружённая журналистами. Один попросил её повернуться: она выставила плечо, поправила край рукава. Мой рукав. Я знала, где он сядет складкой, если поднять руку чуть выше. Она улыбнулась в объектив, и мне захотелось крикнуть: подними. Ну подними же. Она схватила меня за плечи, прижимая к себе так крепко, что я едва могла вдохнуть.

— Ты же не хочешь, чтобы мама узнала о твоих долгах? — прошептала она мне в ухо, сохраняя идеальную позу для фотокамер. — Уходишь тихо, Полина. Или мы сделаем так, что ты исчезнешь навсегда.

Я дёрнулась, сбрасывая её руки, но она лишь рассмеялась. Пока я протискивалась мимо журналистов, она ушла через боковую дверь. Я побежала прочь, игнорируя шепоток «плагиаторша», летевший мне вслед. Коридор перед ректоратом был пуст, кроме одной фигуры, преграждающей путь. Арсений Волков. Капитан команды, наследник люкса и тот, кто видел нас с Кирой у кулис и ни словом не вмешался. Он лениво крутил в пальцах ключи от машины.

— Плагиат — это просто бизнес-модель, детка, — его голос был холодным металлом. — Но нервы мои стоят дорого. Счёт за спектакль, пожалуйста.

— Ты марионетка богатых родителей, — выплюнула я, пытаюсь проскользнуть мимо.

Он даже не пошевелился, заблокировав проход своим весом. Я ударила его в грудь, но он перехватил мою руку, скрутив запястье. Боль обожгла кожу, но я вырвалась и ворвалась в кабинет ректора.

Внутри сидела Кира, по щекам текли чёрные дорожки туши, глаза покраснели от слёз. Ректор смотрел на неё со смесью жалости и гордости. Я молча бросила папку на стол и раскрыла её на схеме подкладки.

— Посмотрите на шов! — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить чётко. — Только я знаю, как закрепить подкладку без нитки. Это моя техника. Моя жизнь.

Арсений вошёл следом, прислонившись к стене. Он смотрел на раскрытую папку, потом на меня. Я прижала ладонью лист к столу, чтобы тот не загнулся. Пусть хоть кто-нибудь здесь смотрит на работу, а не на то, как я дрожу.

Ректор потянулся за стаканом кофе. В этот момент Арсений сделал шаг. Быстрый, почти незаметный. Он забрал горячий напиток из рук ректора.

— Ты слишком много болтаешь, — сказал он мне, глядя прямо в глаза.

И плеснул.

Жидкость ударила в лицо, обжигая веки, стекая по подбородку, пропитывая единственное приличное платье. Бумага размокла, чернила растеклись кровавыми пятнами. Я зажмури-

лась. Ресницы слиплись; под ладонью поползла бумага. Ещё секунду назад здесь был мой угол, моя бессонная ночь. Теперь я размазывала его пальцами. Кира засмеялась, и я подняла голову на этот звук, хотя смотреть было больно.

Ректор поднялся, отряхивая рукава пиджака.

— Эмоциональная нестабильность. Неготовность к профессии, — констатировал он сухо. — Вы отчислены. Стипендия аннулирована. Освободите общежитие до утра.

— Но он... — я ткнула пальцем в Арсения.

Тот пожал плечами:

— Я же сказал, дизайн — это бизнес. А ты проиграла.

Я выбежала в холл. В ближайшем телефоне я мельком увидела себя: мокрая чёлка, открытый рот. Девушка за камерой отступила, чтобы я целиком вошла в кадр. Ни на листы, ни на ректора она не наводила объектив — только на меня. Лев Морозов протиснулся сквозь толпу, протягивая салфетку.

— Полиночка, держись...

Его оттолкнули. Кто-то крикнул: «Убирайся, неудачница!». Я сорвала мокрое платье, оставшись в тонком топики и нижней юбке, и побежала на улицу, чувствуя, как каждый взгляд режет кожу сильнее кипятка.

Дождь лил стенами. Я наткнулась на Арсения у служебного входа. Он курил, и дым смешивался с водой.

— Убью! — закричала я, бросаясь на него с кулаками.

Он поймал мои руки, прижав меня спиной к кирпичной стене. Его тело было горячим, а губы — холодными, когда он склонился к моему уху.

— Если хочешь жить, перестань реветь и слушай меня.

Я ждала знакомого смешка. Он говорил коротко, сквозь зубы, и держал мои запястья, пока я не перестала вырываться. Мне хотелось выдернуть руку ещё раз — просто чтобы он не решил, будто я уже согласна. Он вытер капли воды с моего лица большим пальцем, оставляя грязный след, и произнес фразу, от которой у меня внутри всё оборвалось:

«Завтра в шесть утра. Мастерская Волкова. Если опоздаешь хоть на минуту — я лично выброшу твои остатки одежды на свалку».

Я поняла, что он не просто сломал меня. Он купил меня.

Дождь хлестал по лицу, смывая остатки косметики и достоинства. Я стояла у ворот академии «Аврора», держа в руках лишь мокрый картонный пакет с выдворенными вещами. Внутри — мои эскизы, заляпанные водой до состояния пасты, и несколько лоскутов ткани, которые Кира Лаврова великодушно соизволила выбросить на улицу вместе со мной.

— Подними это, — голос Кире был сладким, как яд в шоколадной глазури. Она не кричала. Королевы не кричат. Они приказывают.

Я посмотрела вниз. Ветер вырвал из пакета стопку бумаг. Листы с моими рисунками разлетелись по лужам, превращаясь в грязные тряпки. Люди проходили мимо, шурша зонтами. Никто не остановился. Для них я была уже призраком, студенткой-отступницей, обвиненной в плагиате.

— Ты даже не знаешь, как он смотрел на тебя вчера, — Кира наклонилась ближе, пахнув дорогим парфюмом и дешевым триумфом. Её губы почти касались моего уха. — Арсений ждал твоего провала. Ему было скучно, пока ты не начала плакать. Он питается этим, Полина. И теперь он сыт тобой.

Меня передернуло от холода и от её слов. Он знал? Я ещё вчера пыталась поймать его взгляд над столом ректора. Ждала хоть одного слова. Теперь Кира смотрела, как я сжимаю руки, и я разжала пальцы, один за другим. Ей не достанется ещё и это. Спускаться на дно ради того, чтобы заслужить его внимание? Нет. Я не буду собирать его крохи внимания.

Кира выпрямилась, оглядела меня с высоты своего каблука и отвернулась.

— Не стой тут, мусорка. Пачкаешь асфальт.

Она скрылась за тяжелыми дверями, оставив меня один на один с потоком воды. Я не стала поднимать эскизы. Пусть гниют. Из готовых вещей я успела схватить перед тем, как охрана вывела меня, только платье-образец из винтажного бархата. Оно было спрятано под пальто, защищенное от дождя. Это была моя последняя ниточка к профессии.

Я стояла под дождём, пока пальцы не начали неметь. Назад — закрытые двери и Кира, впереди — темнота пустой улицы. Двигаться было некуда, и я просто ждала, пока перестану дрожать.

Телефон вибрировал в кармане. Лев.

«Где ты? У нас есть свободная койка в общежитии. Заходи, я сделаю чай».

Я прикрыла экран ладонью от дождя. «Я сделаю чай». Три слова — и я уже представляла, как сажусь на край кровати, как мне выдают чужое полотенце, как утром спрашивают, стало ли легче. Хотелось согласиться так сильно, что я разозлилась. Лев Морозов, тихий гений кроя, сын портного, который всегда делился со мной булками из столовой. Он предлагал спасение. Безопасное плечо.

Лев помнил, какой я была до этого показа. Я не хотела смотреть, как он осторожно обходит разговор о моих работах, предлагает ещё хлеба и ещё ночь у него. Потом я начну спрашивать разрешения даже на то, чтобы включить лампу. Лев, может быть, и не потребует. Я сама начну.

«Я не нищая, Лев. Я просто потеряла адрес», — набрала я дрожащими пальцами.

Ответ пришел через минуту. Фото ключей от служебного входа в его мастерскую на первом этаже.

«Ключ под перевернутым цветочным горшком у двери. Чайник есть. Диван старый, но сухой. Не благодари. Просто работай».

Больше сообщений не было. Лев не стал спорить, не стал умолять. Просто оставил мне возможность войти. Это было милосердие без унижения. Я приняла помощь, но отвергла человека. Горечь осела во рту металлическим привкусом крови.

Глава 2

Я забрала ключ из-под горшка и отперла дверь. Мастерская Льва пахла крахмалом, пылью и одиночеством. Свет здесь горел только над рабочим столом, остальная часть комнаты тонула в сумраке. До шести оставался час. Я включила электрический чайник. Гудение воды было единственным звуком в этом бетонном гробу.

Я села на пол, прислонившись спиной к стене. Руки дрожали. Не от холода, а от голода и напряжения, которое копилось два дня. Перед глазами всплывало лицо Арсения. «Дизайн — это бизнес, детка». Его холодные глаза, когда он лил кофе на мою голову. Знал ли он тогда правду? Или ему было всё равно, кто виноват, пока хаос развлекает его?

Я достала из кармана карандаш и клочок бумаги. Нужно было что-то создать. Доказать, что я жива. Но пальцы слушались плохо. Линии выходили рваными. Голова кружилась. Тело требовало сна, а разум отказывался отдыхать, боясь проснуться в пустоте.

Свет меркнул. Я уснула прямо среди обрезков ткани, обняв колени, свернувшись в комочек, похожий на брошенную собаку.

Чайник давно остыл на столе. Сколько я проспала — не имело значения: никто не ждал меня ни в одном из часов этой ночи.

Звук открывающейся двери разрезал тишину, как скальпель.

Я дернулась вверх, сердце пропустило удар. В дверном проеме стоял силуэт. Высокий, в черном пальто, несмотря на дождь снаружи.

Арсений Волков.

Похоже, он не спал всю ночь: тени лежали под глазами, воротник рубашки был небрежно расстёгнут. Он выглядел хищным, уставшим и опасным. Как волк, учуявший кровь.

В руке он держал ножницы. Мои ножницы, которые я забыла на столе перед тем, как уснуть.

— Проснулась? — его голос был хриплым, низким.

Я ещё не успела выпрямить затёкшую ногу, а он уже держал мои ножницы. Большой палец лежал у самого винта — именно так проверяют ход лезвий. Здесь даже вещи не могли побыть моими без его руки.

— Уходи! — я сорвалась с места. В голове щелкнуло: он здесь, чтобы смеяться. Чтобы посмотреть на падшего ангела моды.

Я схватила вторые швейные ножницы, лежавшие рядом с обрезками, на которых я спала. Не думая, я метнула их в него.

Ножницы пролетели мимо, звякнув о стену. Арсений даже не моргнул. Он шагнул вперед, поднял упавший инструмент и аккуратно положил его на стол.

— Хочешь посмеяться? — выдохнула я.

— Смеяться? — он повернулся ко мне, и в его глазах не было веселья. Там была скука. Тяжелая, свинцовая скука. — Мне скучно смотреть, как ты умираешь красиво, Полина. Это банально.

Он подошел ближе. Запах его одеколона смешался с запахом мокрой шерсти и табака.

— Умирай некрасиво. Или работай.

Я замерла, чувствуя, как холод пробивается сквозь одежду.

— Что тебе нужно?

Он положил мои ножницы рядом со вторыми и достал телефон. Экран светился в темноте мастерской. Он развернул его так, чтобы я видела видео.

На записи Кира сидела в дорогом ресторане. Она смеялась, потирая руки.

— ...выбила эту мусорку из академии! Представляете, она рыдала, как девчонка! А этот её бедный защитничек... да он сам боится посмотреть ей в глаза!

Звук ее голоса резал уши. Моя униженность стала чьим-то анекдотом.

— Хочешь снова подарить ей такую улыбку? — спросил Арсений, убирая телефон. Его взгляд был жестким, как сталь иглы. — Тогда вставай. Вытри слезы. Они делают твои ресницы липкими и некрасивыми.

Слёзы высохли сами — от злости. Я не собиралась дарить Кире ещё и эту картинку: размазанную, жалкую, готовую к публикации.

Я сунула клочок со своим рисунком в карман, забрала ножницы со стола и натянула пальто.

— Куда мы идем? — спросила я. Ноги ватные.

Арсений молча повел меня за собой. Мы вышли из академии, сели в его черный внедорожник. Машина тронулась, оставляя позади грязь и дождь.

Через двадцать минут мы остановились перед зданием в центре города. Вход был незаметным, стальная дверь с кодовым замком.

— Студия «Волков & Ко», — сказал он, открывая дверь. — Окна здесь под потолком. И выхода нет без моего разрешения.

Внутри было стерильно чисто. Белый свет, хромированные поверхности, манекены в дорогих тканях. Тишина была такой плотной, что звенело в ушах.

— Ты будешь моей личной швеей, — Арсений бросил свой кейс на стол. — Материалы. Инструменты. Доступ к архивам. И шанс увидеть, кто реально стоит за кражей твоих эскизов.

Мой желудок сжался. Шантаж. Чистый, прозрачный, циничный шантаж.

— Это рабство, — сказала я.

— Это сделка с дьяволом, — поправил он. — Но сначала проверка.

Он достал из ящика стола рулон дорогой итальянской батистовой ткани и лекала.

— Рубашка. Классическая. За час. Если ошибешься в строчке — выгоню. И никогда больше не увидишь правду о Кире.

Час. На создание рубашки уходило минимум восемь часов у профессионала. У новичка — вечность. Это было невозможно.

Но я посмотрела на его лицо. На спокойную уверенность. Он не засёк время вслух — просто оставил телефон возле рулона. Я знала, сколько времени занимает одна аккуратная манжета. Он тоже знал. Значит, ему было интересно, что я выброшу из работы первым: точность или собственную гордость.

Я раскатала батист. У самого края он просвечивал, дальше лежал гладко, без перекоса. На секунду забыла про телефон. После мокрого картона такую ткань было жалко даже трогать; я провела по ней костяшкой пальца, чтобы не оставить жирного следа.

— Где машинка?

Он молча кивнул на промышленную машинку у дальней стены. Я села, заправила нитку и поймала педаль ногой. Батист лёг под лапку холодным и безжалостным.

Первые двадцать минут были адом. Я резала ткань слишком быстро, путалась в линиях кроя. Арсений сидел напротив, читая какую-то книгу, и каждый раз, когда я делала паузу, он комментировал.

— Ткань тянется влево. Ты криворукая.

— Нитка петляет. Тебе нужна оптика или мозги?

Мне хотелось ударить его. Разбить нос об эту белую столешницу. Но я кусала губы до крови и продолжала шить.

На плече вышла ошибка. Шов лег неровно, ткань стянуло. Я замерла, глядя на дефект. Провал.

Арсений поднял глаза. Он встал, подошел и молча протянул мне катушку с контрастной красной нитью.

— Исправь, — сказал он тихо. — Сделай это частью дизайна. Преврати ошибку в фишку. Идеальность — для мертвых. Живые адаптируются.

Я посмотрела на красную нить. Потом на него. Впервые за долгое время я почувствовала искру понимания. Он не хотел, чтобы я была совершенной машиной. Он хотел, чтобы я умела выживать в хаосе.

Я взяла красную нить, но не повела её по кривому шву. Отметила рядом новую линию, повторила её с другой стороны: плечи должны спорить друг с другом, а не одно оправдываться перед другим. Сняла деталь из-под лапки и расправила. Красное резало белый батист так дерзко, что мне самой захотелось надеть эту рубашку.

Ровно в шестьдесят минут я отложила рубашку. Она была неидеальной. Она была живой. Арсений осмотрел работу. Его лицо ничего не выражало, но уголок губ чуть дернулся.

— Терпимо.

Проверка была позади. Я ещё не успела выдохнуть, как он отошёл к двери — и вернулся уже с коробкой в руках.

— Есть будешь? — он поставил передо мной коробку суши. Дорогой сет, который стоил больше, чем моя стипендия за месяц.

Я оттолкнула коробку.

— Не хочу есть при тебе.

— Голодный мозг шьёт плохо, — отрезал он, садясь обратно. — А мне нужен хороший результат, а не твоя гордость. Ешь.

Я взяла ролл. Рис был теплым, рыба свежей. Первый ролл я проглотила, почти не разжевав. Со вторым пришлось остановиться: слишком хотелось схватить сразу ещё два, а он сидел напротив. Я положила его обратно. Потом взяла. Пусть видит, что голодна. Это всё-таки лучше, чем упасть на его дорогую ткань.

И вдруг Арсений заговорил. Голос стал глуше, тише. Он не смотрел на меня, листая страницы книги.

— Кира украла эскизы не сама. Ей помогли. Технически. Кто-то дал ей доступ к твоему планшету.

Я замерла с роллом у рта.

— Кто?

Арсений перевернул страницу.

— Если ты хочешь знать имя — докажи, что ты достойна этой информации. Стань лучше меня. Или хотя бы не хуже.

Я посмотрела на его пальцы между страницами. Вот сейчас он назвал планшет — и снова перевернул лист, будто разговор закончился. Я могла вскочить, потребовать имя, услышать очередное «заслужи». Вместо этого подвинула к нему рубашку красным плечом вперёд. Он удерживал правду. У меня хотя бы уже была вещь, на которую ему придётся смотреть.

Я доела последний кусок. Посмотрела на Арсения. Впервые за два дня я улыбнулась. Криво. Злобно. Но живо.

— Завтра в шесть утра, Волков. Не опаздывай.

Арсений закрыл книгу. Только теперь я разглядела обложку: это был дневник, не роман. Такой же кожаный переплёт я видела у Киры на показе. Я потянулась к нему, но Арсений накрыл обложку ладонью.

— Не всё сразу, — сказал он.

Он по-прежнему решал, сколько правды мне достанется. Но если дневник принадлежал Кире, значит, у её короны уже появилась трещина.

А я впервые за долгое время чувствовала себя не жертвой. А оружием.

Глава 3

Я грела правую руку под мышкой, потом меняла руки. Пока одна отогревалась, другой придерживала край парчи. Ткань норовила съехать со стола; придавишь сильнее — золотая нить зацепится за трещину на пальце. От этого хотелось выругаться громче, чем от холода. Отопление выключили «для экономии», как цинично бросил Арсений перед уходом. Его слова повисли в воздухе тяжелее самого жакета из парчи, который лежал передо мной на столе. Это была не ткань, а живое существо: золотые нити переплетались с черным бархатом, требуя точности хирурга и терпения святого. А у меня дрожали руки. Не от холода — хотя пальцы онемели так, что я чувствовала их как чужие, деревяшки. Дрожь шла изнутри, от бессонной ночи, от страха ошибиться, от голода, который скреб стенки желудка.

Я прицелилась ножницами. Лезвие скользнуло по краю намеченной линии. Слишком сильно. Ножницы провалились глубже, чем нужно, и встретились с плотной основой ткани. Я дернулась назад, пытаясь спасти шов, но лезвие соскользнуло прямо по большому пальцу левой руки.

Боль была острой и внезапной, почти веселой после долгого оцепенения. Кровь хлынула мгновенно, темная, густая капля упала на белую бумагу эскиза, расплываясь красным цветком. Я зашипела, прижимая рану к груди, но было поздно. Красное пятно уже ползло по чертежу, пачкая идеальные линии кроя.

— Мерзко, — раздался голос за спиной.

Арсений стоял в дверном проеме. Он даже не удосужился закрыть дверь, и холодный сквозняк гулял между нами, трепля его темную рубашку. В руках он держал маленький флакон антисептика и коробку пластырей. Бросил это на стол, прямо рядом с окровавленным эскизом. Звук стекла о дерево был оглушительным в тишине.

— Если ты запачкаешь подкладку кровью или своей бездарностью, — сказал он ровно, глядя мне прямо в глаза без всякого сочувствия, — я сожгу твои вещи вместе с тобой. Иди сюда. Шей.

Он развернулся и вышел, оставив дверь распахнутой. Холод ворвался внутрь, смешиваясь с запахом моей крови и дорогого табака. Я схватила антисептик, обжигая рану спиртом, и прижала пластырь. Руки продолжали дрожать, но теперь они были заняты делом. Пластырь мешал согнуть палец. Я прижала им край лекала, примерилась к линии и снова взяла ножницы. Держать надо было иначе. Пока я искала удобный хват, злость немного стихла: у этой задачи, в отличие от Арсения, был понятный ответ.

Так прошёл ещё один день: я шила в его мастерской до темноты и возвращалась к Льву только поспать. А потом пришлось зайти в академию.

День, когда я пришла в академию за оставшимися вещами, был похож на марш по минному полю. Каждый шаг грозил взрывом. Я старалась сливаться со стенами коридоров, натягивая капюшон своего старого худи до носа. Но Кира Лаврова обладала нюхом на добычу. Она появилась буквально из воздуха, блокируя путь своим идеально выпрямленным телом. На её плече висела новая сумка, кожа которой стоила больше, чем моя жизнь за месяц.

— Слышала новость? — Кира улыбалась, но глаза ее были мертвыми рыбьими пузырями. — Говорят, ты теперь шьешь носки для Волкова. Как низко. Хотя, чего еще ждать от девочки, которая собирает тряпки на помойках?

Мои кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони. Хотелось крикнуть ей в лицо правду, сказать, что я шью шедевр, а она носит ярлык на пуговице. Но внутри вспыхнул голос Арсения: «Дизайн — это бизнес, детка». Бизнес не кричит. Бизнес молчит и ждет момента, чтобы ударить.

Я опустила голову, делая вид, что смотрю на свои стоптанные кеды. Внутри меня рвалось что-то важное, какой-то стержень гордости, но снаружи я осталась тихой мышкой. Кира фыркнула вслед, довольная победой. За её спиной оставался проход. Если начну отвечать, подруги замкнут вокруг меня круг и снова поднимут телефоны. Я протиснулась в этот проход, прежде чем Кира успела позвать их ближе. Ответ она получит. Только не здесь, на её условиях.

Я задержалась у двери аудитории: там шла лекция по истории моды. Профессор заметил меня из коридора и поманил к доске.

— На занятия тебя пока не вернули, но объяснить работу ты ведь ещё можешь? Заходи.

На стене висела работа Арсения — деконструкция классического костюма, которую мы обсуждали всю неделю.

— Полина, объясни концепцию. Ты же работала над этим... лично.

Класс затих. Десятки глаз впивались в мою спину. Я вышла вперед, взяла мел. В голове всё было ясно: я знала ответ лучше профессора. Я видела структуру, понимала замысел. Но когда я открыла рот, чтобы произнести первое слово, воздух исчез. Горло свело судорогой. Из губ вырвался сдавленный звук, похожий на лай собаки. Тишина стала физической силой, толкающей в грудь. Кто-то на задней парте тихо хихикнул. Затем смех разнесся по залу волной.

Мел выскользнул из потных пальцев и разбился о пол. Белая пыль осела на моих кедах. Паника захлестывала, размывая контуры реальности. Мне хотелось раствориться, стать пустым местом.

И тогда рядом возник Лев. Тихий, незаметный Лев Морозов. Он не привлекал внимания, не смеялся. Просто положил руку на мой локоть. Легкое, едва ощутимое касание. Вторую руку он протянул мне, держа новый кусочек мела.

— Ты знаешь больше всех здесь, — прошептал он так тихо, что слышала только я. — Просто дыши. Воздух идет вниз, в живот. Не в горло.

Его голос был спокойным, как вода. Лев не подсказывал ответ. Это помогло больше, чем его ладонь: слова всё ещё были моими. Я набрала воздух, дождалась, пока перестанет дёргаться мел, и показала на линию плеча. Взгляд Киры в углу аудитории стал менее значимым. Я начала говорить. Медленно, с запинками, но я говорила. Когда закончила, профессор одобрительно кивнул, а смех стих. Лев улыбнулся уголком рта и вернулся на свое место. Мне хотелось сесть рядом со Львом. И одновременно хотелось, чтобы никто не заметил, как он меня вытащил. Я положила мел на кафедру осторожнее, чем нужно, — выиграла лишнюю секунду, прежде чем обернуться к классу.

Пара закончилась. Его голос — «дыши, воздух вниз, в живот» — остался со мной на весь день, и к обеду я уже сидела в дальнем углу столовой.

Обеденная столовая была ареной битвы за остатки достоинства. Я сидела в самом углу, перекусывая сухарем, купленным на последние деньги. Моя единственная чистая блузка была аккуратно заправлена в джинсы. Я должна была выглядеть опрятно наутро. Арсений требовал моего присутствия на показе его коллекции для отца.

Вдруг тень накрыла мой столик. Кира и две её подруги, сияющие брендовыми локонами, остановились напротив.

— Ой, простите! — воскликнула Кира, делая вид, что спотыкается.

Тарелка с горячим супом перевернулась прямо на меня. Жидкость хлынула через край, заливая блузку, джинсы, мои колени. Пар поднялся вверх, обжигая лицо. Крик застрял в горле. Люди вокруг замерли, затем начали шептаться. Смешки раздавались со всех сторон.

— Ух ты, какой дизайн! — пропела одна из подруг Киры, фотографируя пятно на телефоне.

Я не могла говорить. Я могла только чувствовать, как липкая жидкость стекает по коже, как холодные струйки текут по ногам. Страх быть униженной публично смешался с практиче-

ским ужасом: я не могу выйти в таком виде к людям. Ни к Арсению, ни к преподавателям, ни к кому.

Я схватила свою сумку и бросилась прочь, игнорируя злые комментарии. В туалете пахло хлоркой и отчаянием. Я включила холодную воду и терла пятно руками, пока кожа не покраснела и не стала шершавой. Оно не уходило. Жирные пятна супа въелись в ткань навсегда. Я посмотрела в зеркало: мокрые волосы, красные глаза, грязная одежда. Я выглядела как ничтожество. Именно то, кем хотела меня видеть Кира.

Глава 4

Вечер в мастерской Арсения начался с тишины, более звенящей, чем любой крик. Я вошла, все еще влажная, с комком грязи на груди. Арсений не поднял головы от журнала. Он знал. Он всегда знает.

— Я не показываю своих людей в тряпках, — бросил он, наконец взглянув на меня. Его взгляд был оценивающим, как у ювелира, рассматривающего брак. — Иди домой. Или умри от стыда. Выбирай.

Сердце заколотилось. Домой? У меня нет дома. Нет денег. Нет статуса. Только эта клетка из тканей и ожиданий.

— Я могу исправить это, — сказала я. Голос дрогнул, но слова были твердыми.

Арсений усмехнулся. — Исправить? Ты хочешь сказать, что выстираешь этот мусор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.